

200 лет Министерству Народного Просвещения

Александр КИСЕЛЁВ, доктор исторических наук, профессор

Многие исследователи Российской истории сходятся во мнении, что правление Николая I можно разделить на три периода: первый — с 1826 по 1831 год, второй — с 1832 по 1848 год и третий — с 1849 по 1855 год. И хотя эта периодизация имеет условный характер, всё же она отражает существенные изменения в управлении государством. Неизменным в политике императора оставалось одно: он ставил русские интересы выше интересов европейских государств. Видимо, именно поэтому время его правления обладало достаточной цельностью.

Начало царствования Николая I было трагичным и в то же время было периодом многих задуманных им прогрессивных преобразований. Император, осознавая их необходимость, стремился изменить свои консервативные взгляды и должным образом решить насущные проблемы. Так, учитывая мнение Н.М. Карамзина и В.А. Жуковского, монарх отказался от явных консерваторов, окружавших Александра I в последние дни его жизни. Он решительно устранил многих ретроградов из Министерства Народного Просвещения. Был уволен такой обскурант просвещения, как М.Л. Магницкий, а попечитель Петербургского университета Н.С. Рунич отдан под суд. Было пресечено влияние на Министерство Просвещения Петербургского архимандрита Фотия (в мире Пётр Никитич Спасский), который должен был вернуться в свой Новгородский Юрьев монастырь.

Главным способом руководства министерства стало централизованное управление. При помощи циркуляров и предписаний чиновники стали управлять всем: от экономики до науки и образования. Николай I считал организацию полицейского надзора в стране важнейшей задачей. Были введены официальный надзор за преподаванием в университетах, строгая цензура книг, контроль за народной школой и т.п. Николай Павлович полагал главной задачей просвещения воспитание и образование верных и скромных слуг государства Российского. При этом он был убеждён в том, что образование должно быть сословным.

Эти идеи государя довольно успешно пять лет осуществлял на посту министра народного просвещения светлейший князь Карл-Христофор (Карл Андреевич) Ливен. Он был участником русско-турецкой войны 1787–1791 годов, отличился под руководством А.В. Суворова в военных действиях в Польше и в штурме Варшавы. Оставив военную службу, озабочился делами просвещения и был с 1813 года старшиной Русского библейского общества, затем попечителем Дерптского учебного округа и университета, членом Главного правления училищ. Будучи после 1826 года одним из ведущих деятелей Министерства Народного Просвещения, он выступал против попыток запретить преподавание в университетах философии, против предоставления права попечителям удалять заподозренных в вольнодумстве преподавателей, разрешал профессорам выписывать книги из-за границы. В период руководства св. кн. Ливена министерством (1828–1833 гг.) был принят новый устав гимназий и народных училищ, усиливший контроль государства над ними. Св. князь последовательно проводил принцип сословности в образовании. В 1828 году был принят новый цензурный устав, более мягкий, чем так называемый «чугунный» устав 1826 года. Министр стремился усилить контроль над печатью и учебными заведениями именно в рамках существующих законов и уставов, что вызвало многочисленные обвинения его в попустительстве вольнодумным идеям и привело к столкновению с начальником Третьего отделения графом А.Х. Бенкендорфом, закончившемуся отставкой.

В 1834 году в должность министра вступил Сергей Семёнович Уваров (графский титул пожалован в 1846 году) и прослужил на этом посту 16 лет. Потом такое не удавалось больше никому из министров просвещения или образования России. Например, гр. Д.А. Толстой возглавлял министерство 14 лет, а советский министр А.И. Данилов — тринадцать.

Родившемуся в 1786 году Уварову, безусловно, повезло. Великая Екатерина была его крёстной матерью, а родство с кн. А.Б. Куракиным обеспечило юноше первые шаги на слу-

жебном поприще. Пожалованный в 1803 году в камер-юнкеры, Уваров с 1806 по 1809 год сначала состоял при посольстве в Вене, а затем был назначен секретарём посольства в Париже. Судьбоносным стал его брак с графиней Екатериной Алексеевной Разумовской, которая принесла в дом часть богатств российских крестов, а особенно протекцию своего отца — министра народного просвещения.

С 1811 года Уваров попечитель Петербургского учебного округа, а в 1818 году становится президентом Академии наук. В эти годы он был близок к императрице Елизавете Алексеевне по делам Патриотического общества. Пожалованный в 1826 году в сенаторы, Уваров в 1832 году назначен товарищем министра народного образования, а в следующем году — управляющим министерством.

Министр Уваров был по тем временам недюжинным знатоком наук и литературы. Он дружил с Карамзиным, Батюшковым, Жуковским и был постоянно окружён профессорами и литераторами. Состоял, например, членом литературного кружка «Арзамас». Имел обширные учёно-литературные связи за границей.

Николай I стремился построить такую систему народного образования и воспитания, которая бы не оставляла никаких возможностей для революционных устремлений молодёжи. Полностью разделяя эти идеи монарха и понимая степень своей ответственности за воспитание будущего поколения, Сергей Семёнович старался делать всё, чтобы уберечь Россию от революционных потрясений, характерных для Европы того времени.

Перефразируя известный православный девиз «За Веру, Царя и Отечество», Уваров выдвинул знаменитую формулу-действие министра просвещения: «Православие. Самодержавие. Народность». Сущность этой формулы С.С. Уваров раскрыл в своём письме к Николаю I от 19 ноября 1833 года. Приведём из него небольшой отрывок.

«Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе тёплую веру к некоторым *религиозным, моральным и политическим* понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках её народности находится и весь залог будущего её жребия... Успеем ли мы включить их в систему общего образования, которая соединила бы выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и надеждами будущего? Как учредить у нас народное воспитание, соответствующее нашему порядку вещей и не чуждое европейского духа? По какому правилу следует действовать в отношении к европейскому просвещению, к европейским идеям, без коих мы не можем уже обойтись, но которые без искусного обуздания их грозят нам неминуемой гибелью? <...> Таковых начал, без коих Россия не может благоденствовать, усиливаться, жить — имеем мы три главных: 1) Православная Вера. 2) Самодержавие. 3) Народность.

Без любви к *Вере* предков народ, как и частный человек, должны погибнуть: ослабить в них веру — то же самое, что лишить их крови и вырвать сердце... *Самодержавие* представляет главное условие политического существования России в настоящем её виде... Наряду с сими двумя национальными началами находится и третьё, не менее важное, не менее сильное: *Народность*. Дабы Трон и Церковь оставались в их могуществе, доўжно поддерживать и чувство Народности, их связующее... Относительно Народности всё затруднение заключается в соглашении древних и новых понятий; но Народность не состоит в том, чтобы идти назад или останавливаться; она не требует неподвижности в идеях. Государственный состав, подобно человеческому телу, перемещает наружный вид по мере возраста: черты изменяются с годами, но физиономия изменяться не должна».

В соответствии с установкой на «охрану государства» было чётко предписано, что наиболее желательная программа для средней школы — классическая. Споры велись лишь относительно введения в школу одного или двух древних языков. Сам Николай I признавал, что греческий язык лишь обременяет учащихся. Его решили оставить лишь в немногих столичных гимназиях. Поначалу классическая система образования не выдерживалась в чистом виде: преподавались естествознание, логика и даже статистика, но впоследствии эти предметы стали устраняться из курса гимназий.

К концу второго периода царствования Николая Павловича наступает и резкое размежевание интеллигенции на славянофилов и западников. Возникают резкие дискуссии, в частности, между западником П.Я. Чаадаевым и славянофилом И.В. Киреевским по вопросам, каким быть в России образованию. Министерство не может не реагировать.

Третий период царствования Николая I наступил после февральской революции 1848 года во Франции и последовавшими за ней вспышками революций по всей Европе. Реакция императора ждать себя не замедлила. Он прежде всего принялся искоренять либеральные идеи в офицерской среде, было приостановлено и решение крестьянского вопроса. Славянофилы относились критически ко многим действиям царского правительства. И хотя их критика велась с патриотических позиций, монарх под влиянием окружавших его в то время «мракобесов» предпочитал одинаково жестоко бить и тех и других. Даже граф Уваров казался теперь излишне либеральным и над ним — главным цензором России — был поставлен так называемый «Бутурлинский комитет», осуществлявший цензуру над цензурой. Были применены кары и к членам различных кружков. Так, по процессу петрашевцев был осуждён на каторгу Ф.М. Достоевский. К тому же Россия оказалась втянутой в неудачную Крымскую войну, до конца которой император не дожил.

За 18 лет (!) деятельности в Министерстве Народного Просвещения графу Уварову удалось сделать многое: была завершена подготовка учебных программ на основе классического образования, создана централизованная система управления образованием с ограничениями университетской автономии, введены обязательные заграничные стажировки будущих молодых преподавателей вузов, сохранена государственно-сословная система образования. На окраинах С.С. Уваров заботился «о водворении русского просвещения». Основанный им Педагогический институт, к сожалению, не смог снабдить Россию образцовыми педагогами, а культивировавшийся им классицизм для «возвышения и укрепления душевных сил юношей» был бессилён победить одичалую разнузданность дворянских недорослей, наполнявших губернские гимназии. Министр в рамках Академии наук осуществил научную программу в области русской истории и языка. Курируя по должности цензурное ведомство, он как мог старался проводить гибкую политику, «не допуская разрушительных сочинений, но и не зажимая всё живое».

Характер гр. Уварова не был свободен от недостатков. Даже расположенные к нему люди вроде кн. Вяземского, считавшие его «умным человеком не только в России, но и в Европе», в то же время признавали его иногда «бесхарактерным, суетным, легкомысленным».

События в Европе в 1848 и 1849 годах и последовавшая на них в России реакция пошатнули служебное положение гр. Уварова. Он был признан не способным искоренить якобинство в учебных заведениях. От неприятностей и огорчений 6 сентября 1849 года он подвергся «нервическому удару», что послужило предлогом к увольнению его с должности министра.

Кресло министра было по праву пожаловано князю Платону Александровичу Ширинскому-Шихматову (1790–1853), проработавшему к этому времени в министерстве 25 лет. Князь, в прошлом боевой морской офицер, был академиком Императорской Академии наук, писателем и одним из деятельных сотрудников по составлению словарей церковно-славянского и русского языков.

Князь Шихматов, по отзывам современников, был добр и по природе, и по убеждению христианина, справедлив, прост и добродушен. Но приобретя большой опыт в практической администрации, он не имел достаточно сил, чтобы смело повернуть против ветра руль своего корабля, со всех сторон обуреваемого грозною борьбою стихий в то трудное время, когда «под министерство подкапывались со всех сторон», когда оно «сделалось какою-то сомнительной отраслью государственного управления, а представитель его, министр, скорее ответственное лицо перед допросами, чем государственный чиновник».

Министерство снова находилось в ожидании коренного преобразования, хотя сам министр это нужным не считал. Он так и умер в своей должности министра. Его место в 1854 году занял герой Бородинской битвы, писатель и учёный Авраам Сергеевич Норов.